

ББК 63.3(2)524

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Печатается по решению кафедры русской истории РГПУ им. А.И. Герцена

Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. / Ред. кол.: А.Б. Николаев (отв. ред. и отв. сост.), Д.А. Бажанов, А.А. Иванов. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. 236 с.

ISBN 978-5-8064-2955-2

В сборник включены материалы всероссийской научной конференции «Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды», проведенной 15 ноября 2019 г. кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена. Издание рассчитано на историков-специалистов и всех интересующихся историей революции 1917 года в России.

ББК 63.3(2)524

- © А.Б. Николаев, идея, отв. ред. и отв. сост., 2020.
- © Д.А. Бажанов, редактирование, 2020.
- © А.А. Иванов, редактирование, 2020.
- © Авторы статей, 2020.
- © А.А. Иванов, оформление обложки, 2020.
- © Кафедра русской истории РГПУ им. А.И. Герцена, 2020.

ISBN 978-5-8064-2955-2

вратились в объект эстетических переживаний, его пытались сделать частью национального самосознания.

Национальный костюм становится важнейшей частью этнической идентичности, обращенной к внешнему наблюдателю, «витриной» страны и национальных отношений. Во все более упрощавшемся стилизованном виде он стал концертным, театральным праздничным костюмом; в модернизированном виде отдельные его черты были использованы модельерами. И, конечно, они очень красивы, эти народные костюмы, и явно свидетельствуют о «страшном загоне», в котором находились национальные культуры (как нас сегодня пытаются убедить националисты в государствах, образовавшихся после распада СССР).

Итак, выставки, на которых демонстрируется изобразительное и декоративно-прикладное искусство начала XX в. и первых 10 – 15 послереволюционных лет являются светлыми, искренними и содержат, в том числе, и произведения искусства русского авангарда, что лишний раз свидетельствует, по крайней мере, о неоднозначном отношении художников к революции. Все эти черты постепенно исчезают со второй половины 1930-х гг.

Современное искусство зачастую характеризуется отсутствием искренности. Официоза вроде бы нет, но многие художники все-таки неплохо чувствуют конъюнктуру, и это не может радовать.

Хочется обратить внимание еще и на то, что художественные выставки, подготовленные к 100-летию революции, послужили поводом к изданию замечательных альбомов-каталогов. Часть из них, и это относится в первую очередь, к изданиям, посвященным выставкам в Русском музее «Мечты о мировом расцвете» и «Искусство в жизнь», а также выставке «Дейнека / Самохвалов» в Манеже, прекрасно издана, снабжена вступительными статьями высокого качества и великолепным научным аппаратом. Держать эти книги в руках – огромное удовольствие. Вот и говорите после этого, что бумажная книга умирает!

Свидетели эпохи: публикация источников

Ганин А.В.

«Я узнал, что назначен начальником левой колонны отряда, атакующего Зимний дворец»: неизвестные воспоминания и письмо полковника Г.П. Апрелева о событиях 1917 г.

В Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке сохранились небольшие воспоминания Г.П. Апрелева и его письмо брату,

касающиеся 1917 г. и, прежде всего, выступления генерала Л.Г. Корнилова в августе 1917 г. Автор воспоминаний был осведомленным очевидцем и участником многих важных событий 1917 г. Его воспоминания представляются чрезвычайно интересным источником.

Георгий (Юрий) Петрович Апрелев родился 1 марта 1889 г. в дворянской семье Новгородской губернии. Род Апрелевых восходил к XV в. и оставил свой след в отечественной истории. Матерью Георгия была известная писательница 2-й половины XIX в., романистка Елена Ивановна Бларамберг (Апрелева), печатавшаяся под псевдонимом Е. Ардов (анagramма фамилии Виардо – в доме которых жила Елена Ивановна). Дедом Апрелева по этой линии был выдающийся отечественный военный деятель и ученый, генерал-лейтенант И.Ф. Бларамберг – генштабист, начальник Корпуса военных топографов. Е.И. Бларамберг первой из женщин окончила Женевский университет, переписывалась с И.С. Тургеневым и другими выдающимися современниками, ее портрет написал И.Е. Репин. Она стала третьей супругой Петра Васильевича Апрелева – гражданского чиновника, статского советника, много лет прослужившего в Туркестане. В 1906 г., в период Первой русской революции, П.В. Апрелев был убит в своем имении на глазах у супруги. Это событие стало потрясением для семьи Апрелевых и, очевидно, повлияло на последовательные антибольшевистские взгляды, которых придерживались дети убитого. Е.И. Апрелева скончалась в декабре 1923 г. в Белграде.

Г.П. Апрелев в 1908 г. окончил Пажеский корпус и был камер-пажом, что задавало вектор его дальнейшей военной карьеры. После корпуса он вышел в лейб-гвардии Кирасирский ее величества государыни императрицы Марии Федоровны полк («синие кирасиры»). Командовал эскадроном. До Первой мировой войны успел окончить два класса Императорской Николаевской военной академии. Однако окончить дополнительный курс академии ему помешала война. Тем не менее, в связи с нехваткой генштабистов 22 декабря 1915 г. Апрелев был причислен к Генеральному штабу. Его однокашники были переведены в Генштаб как выпуск 1915 г., но Апрелев предпочел службу в родном Кирасирском полку. В октябре 1916 г. он отказался служить по линии Генерального штаба, причем Ставка верховного главнокомандующего интересовалась причинами и серьезностью мотивов такого отказа¹.

Офицеру было сделано внушение. Генерал-квартирмейстер Ставки генерал-майор М.С. Пустовойтенко 27 октября 1916 г. сообщал начальнику штаба Кавказской кавалерийской дивизии, в которой служил Апрелев: «Штабс-ротмистр Апрелев, имеющий желание идти по строевой линии, всегда может перечислиться из Генерального штаба по окончании войны.

¹ РГВИА. Ф. 2100. Оп. 1. Д. 417. Л. 193.

Во время же войны от него, как и от всякого офицера Генерального штаба, требуется принести свои знания и подготовку по специальности на должностях Генерального штаба и тем оправдать как израсходованные государством средства на его подготовку [в] течение двухлетнего пребывания в академии, так и цель окончания ее»¹.

В итоге перевод Апрелева в Генштаб осуществили уже белые приказом главнокомандующего Вооруженными силами на Юге России № 978 от 18 мая 1919 г. Апрелеву тогда были даны права выпускника академии 1915 г.

В Первой мировой войне автор участвовал в составе своего полка, был тяжело ранен в Восточной Пруссии в августе 1914 г. и до весны 1915 г. находился на лечении. По возвращении на фронт исполнял должность старшего адъютанта штаба 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (именно в ее состав входил полк Апрелева), а позднее – штаба Кавказской кавалерийской дивизии. Затем он добился обратного перевода в свой полк, где командовал эскадром. За годы войны награжден орденами Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (высочайший приказ от 6 октября 1914 г.), Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (высочайший приказ от 6 октября 1915 г.) и Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (высочайший приказ от 6 июля 1916 г.).

В 1917 г. Г.П. Апрелев попал в Ставку верховного главнокомандующего, оказался в окружении Л.Г. Корнилова. По неизвестным причинам о своей службе в Ставке в мемуарах он не упомянул. В дальнейшем служил вновь в своем полку, который получил наименования лейб-гвардии 2-го кирасирского полка и гвардейского кирасирского полка. Принял участие в подготовке выступления Корнилова в Петрограде. Однако сведения о каких-либо репрессиях в отношении офицера со стороны Временного правительства мы не располагаем. Возможно, его роль не была сочтена значимой.

Первую мировую войну Апрелев окончил в чине капитана, после чего с ноября 1917 г. принял участие в Белом движении на Юге России и дослужился у белых до полковника. Участвовал в 1-м Кубанском (Ледяном) походе Добровольческой армии. Активно участвуя в боях, он 23 июля (5 августа) 1918 г. в период 2-го Кубанского похода был ранен пулей в грудь под селом Белая Глина. По некоторым данным, был личным адъютантом командующего армией генерал-лейтенанта А.И. Деникина. Служил в отделе связи штаба Добровольческой армии.

Апрелев был также сослуживцем одного из вождей Белого движения П.Н. Врангеля. Последний попал в Добровольческую армию сравнительно поздно, в августе 1918 г. Это объясняет внимание, которое он обращал на

---

¹ Там же. Л. 232.

своих знакомых, уже находившихся у белых: «В числе офицеров штаба оказалось несколько моих старых знакомых, между прочим исполнявший должность старшего адъютанта штаба 1-ой гвардейской кавалерийской дивизии, в бытность мою в ее составе, полковник Апрелев, старый сослуживец мой по гвардии. Теперь он занимал должность начальника связи. В составе разведывательного отделения оказался бывший офицер моей 7-ой кавалерийской дивизии поручик Асмолов. Асмолов и Апрелев участвовали в борьбе Добровольческой армии с самого начала и оба принимали участие в так называемом «Ледяном походе». От Апрелева я узнал, что генерал Корнилов еще в Ростове делал попытки разыскать меня и дважды писал мне в Петербург, зовя в армию. Ни одно из этих писем до меня не дошло»¹. По некоторым данным в конце 1918 г. Георгий Петрович перевелся к генералу П.Н. Врангелю и состоял офицером для поручений. В 1919 – 1920 гг. командовал Сводно-уланским полком.

В марте 1920 г. Г.П. Апрелев покинул Россию и уехал в Королевство сербов, хорватов и словенцев. Служил в пограничной страже в Дубровнике, позднее жил в Китае (Шанхай), перебрался во Францию, стал директором Русского кадетского корпуса в Версале. Состоял в Гвардейском объединении. Умер в Париже 10 января 1964 г. и похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

Автор был очевидцем событий Февральской революции в столице, что произвело на него гнетущее впечатление. Он подробно описал разложение своего полка и работу полкового комитета, членом которого состоял. Любопытно свидетельство Апрелева о зарождении украинской армии и о том, что ее ряды пополняли, в основном, дезертиры, не желавшие служить на передовой. В воспоминаниях проясняется судьба генерал-лейтенанта М.И. Гончаренко², ранее считавшегося умершим по естественным причинам. Г.П. Апрелев свидетельствует о самоубийстве этого генерала в 1917 г. Как гвардейцу мемуаристу присущ полковой корпоративный дух. Не случайно, все годы Первой мировой войны офицер стремился служить именно в своем Кирасирском полку, вопреки более перспективной службе генштабиста. Обращает на себя внимание не только неприятие мемуаристом революционеров, но и его явный антисемитизм – неотъемлемая часть менталитета многих представителей русской дореволюционной монархически настроенной элиты³.

---

¹ Врангель П.Н. Воспоминания. Южный фронт (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.). М., 1992. Ч. 1. С. 111 – 112.

² См. подробн.: Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891 – 1945: Биографический справочник. М., 2007. С. 174.

³ См., напр., эпизод, когда Б.А. Энгельгардт побрезговал пожать руку еврейскому учителю, но затем устыдился своего поступка, а его мать продолжала считать ситуацию,

Особенно интересны воспоминания в связи с тем, что их автор был вовлечен в тайную работу по подготовке выступления Л.Г. Корнилова и даже должен был возглавить одну из колонн, назначенных на штурм Зимнего дворца. Как отмечал мемуарист, с ним беседовал его товарищ А.Г. Шапрон дю Ларре (будущий муж дочери генерала Л.Г. Корнилова). В этот период Шапрон дю Ларре состоял в киевской офицерской организации и передал Апрелеву сведения от лично известного последнему генерала А.М. Крымова о подготовке выступления. В середине августа 1917 г. офицеры получили вызов в Петроград, замаскированный служебными командировками. Чтобы не вызывать подозрений, они выезжали в столицу по разным дорогам.

Факт вызова корниловцев был известен и ранее. Так, в Ставку в Могилеве вызывали около 3000 офицеров-корниловцев под предлогом ознакомления с новыми образцами минометов и бомбометов¹. Но каждое новое свидетельство ввиду скудости информации по этому вопросу крайне важно. Сведения о вызове офицеров в Петроград дополняют эту картину. По свидетельству мемуариста, в Петрограде он получил от Шапрона 50 000 руб. на выдачу нуждающимся офицерам пособий на проживание в размере 200 – 300 руб. на человека. Следовательно, речь шла о 250 нуждавшихся офицерах, а общие силы, на которые рассчитывали составители плана, должны были быть больше. Руководили подготовкой выступления в Петрограде генштабисты полковники Д.А. Лебедев и В.И. Сидорин.

Это свидетельство подтверждено и другими документами. В воспоминаниях А.С. Лукомского содержится упоминание разговора с Л.Г. Корниловым 11 августа 1917 г. после возвращения последнего из Петрограда. В этом доверительном разговоре Корнилов упомянул, что детали операции по ликвидации большевиков в Петрограде разрабатывают полковник (хотя тогда он должен был числиться еще подполковником) Д.А. Лебедев и капитан В.Е. Роженко². 20 – 26 августа Лебедев действительно находился в Петрограде, где встречался с приехавшей из Перми матерью. Думается, однако, что пребывание его в столице в те дни не носило столь невинного характера, а встреча с матерью была лишь формальным прикрытием деятельности иного рода – подготовки базы для выступления в Петроград ча-

---

когда еврей первым протягивает руку потомственному дворянину, дерзостью (Потопивший мир Б.А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887 – 1944) / Под ред. Н.Н. Смирнова (отв. ред.), С.И. Мунжуковой, М.Ю. Борисовой-Лебедевой, И.В. Петрова. СПб., 2020. С. 151 – 152).

¹ Мартынов Е.И. Корнилов (попытка военного переворота). Л., 1927. С. 90.

² Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. 5. С. 109.

стей 3-го конного корпуса А.М. Крымова. По заявлению самого Лебедева, 28 – 29 августа в Петрограде должны были выступить большевики¹.

В Ставку Лебедев вернулся днем 27-го. Уже вечером того же дня Корнилов поручил ему отправиться на поиски А.М. Крымова, чтобы передать тому распоряжение о сосредоточении корпуса и переброске его в район Петрограда, а также восстановить связь штаба корпуса со Ставкой. Лебедев знал о смещении Корнилова с его поста Керенским, но, как он показал позднее на допросе, решил исполнить приказ, т.к. тот фактически еще не сдал своей должности. Рано утром 28 августа Лебедев выехал из Могилева на автомобиле, захватив штатское платье для посещения Петрограда. Вечером офицер прибыл в Псков, а Крымова обнаружил только утром 29 августа в деревне Стрешнево, неподалеку от Луги. Крымов не стал брать на себя ответственность за развязывание боевых действий и попросил Лебедева выехать в Псков и узнать мнение главнокомандующего войсками Северного фронта, а также переговорить со Ставкой. На обратном пути Лебедев был задержан, и на допросе 2 сентября 1917 г. признал себя виновным в попытке посягнуть на изменение существовавшего государственного строя.

В.И. Сидорин в Петрограде должен был действовать в контакте с Союзом казачьих войск², но капитан С.Н. Ряснянский, являвшийся членом Главного комитета Союза офицеров армии и флота, отмечал, что Сидорин «очень энергичный и мужественный, когда он того хотел <...> временами впадал в полное безделье и совершенно ничего не хотел делать»³. В связи с приближением к столице корпуса Крымова и не ожидавшимся в ближайшее время выступлением большевиков было, якобы, принято решение об организации в городе погромов с целью спровоцировать выступление большевиков. Организовать провокацию должен был Сидорин, но ничего сделано не было.

К сожалению, воспоминания Г.П. Апрелева не содержат ответов на многие важные вопросы и обрываются буквально на полуслове при начале описания намеченного корниловцами плана атаки Зимнего дворца. Одной из штурмовых колонн, как уже отмечалось, должен был командовать сам автор. Несмотря на заявленные в названии воспоминаний хронологические рамки 1917 – 1919 гг., описания событий 1918 – 1919 гг. они не содержат. Продолжает мемуарные свидетельства Апрелева его письмо брату из Но-

---

¹ Дело генерала Л.Г. Корнилова. Т. 1. Чрезвычайная комиссия по расследованию дела о бывшем верховном главнокомандующем генерале Л.Г. Корнилове и его соучастниках. Август 1917 г. – июнь 1918 г. М., 2003. С. 313.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. Л. 60; Вакар Н.[П.] Генерал Л.Г. Корнилов и А.Ф. Керенский. Беседа с П.Н. Финисовым // Последние новости. 1937. 6 марта.

³ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 604. ЛЛ. 50 – 51.

вочеркаска, датированное декабрем 1917 г. В нем он описал приезд из полка в Добровольческую армию и службу в ноябре – декабре 1917 г. Хочется надеяться, что в будущем найдется окончание воспоминаний Апрелева о корниловском выступлении и о последующей службе, в том числе и в Гражданскую войну.

Судя по упоминанию о «крови, которая 3 года льется в России», воспоминания написаны около 1920 г. Как они, так и письмо адресованы старшему брату Борису (18.02.1888 – 05.03.1951) – капитану II ранга и писателю¹. Б.П. Апрелев в начале своей карьеры служил на императорской яхте «Штандарт», был удостоен внимания императора Николая II, позднее являлся помощником морского агента в Японии, морским агентом правительства адмирала А.В. Колчака в Италии и Югославии. После Гражданской войны остался в Югославии, затем переехал во Францию и в Китай. Умер в Сан-Франциско. Как и брат, он также оставил воспоминания.

Воспоминания и письмо Апрелева сохранились как в рукописных оригиналах с трудночитаемым почерком, так и в виде машинописного текста. Машинописный текст, возможно, набранный известным морским офицером-мемуаристом Г.К. Графом, содержит целый ряд ошибок набора, в том числе смысловых, в связи с чем была произведена его сверка с рукописью и сделаны необходимые исправления. Документы публикуются в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации при сохранении стилистических особенностей оригинала. Явные ошибки исправлены без оговорок. Все даты до февраля 1918 г. приведены по старому стилю.

Приложение 1.

Г.П. Апрелев. Воспоминания о 1917 – 1918 – 1919 годах для Бори².

Не зная, что будет с нами дальше, я пишу эти воспоминания, для того, чтобы тебе повторить те события, которые произошли в России в 1917, [19]18 и [19]19 годах и не только так, как они описываются в газетах, но и так, как они представляются мне, тем более, что в некоторых из этих событий, я принимал довольно близкое участие.

В феврале 1917 года я приехал в Петроград из Персии, с тем, чтобы[,] пробыв недели три в отпуску, ехать в полк, куда я по собственному желанию вновь был переведен из Генерального штаба.

Атмосфера в Петрограде была напряжена до чрезвычайности; в воздухе чувствовалась близость политической грозы; почти все слои общества были недовольны существующим положением. Должен отметить, что

¹ См. подробн.: Кузнецов Н.А. Об авторе этой книги // Апрелев Б.П. На «Варяге». Жизнь после подвига. М., 2013. С. 3 – 22.

² Т.е. для Б.П. Апрелева.

недовольство это было вызываемо искусственно известными политическими кругами, для которых такое положение вещей было весьма выгодно. Действительно, главным центром, откуда исходили всевозможные слухи о творящихся всюду якобы неслыханных злоупотреблениях – была Государственная дума. Здесь с кафедры представители всех партий громили правительство на все лады, умышленно забывая упоминать все те меры, которые были приняты этим правительством для поднятия боеспособности армии. А между тем меры, принятые в этом направлении, уже дали блестящие результаты – мы как раз к весне получили огромные запасы оружия, снаряжения и, главное, тяжелой и легкой артиллерии с большим количеством снарядов к ней. Именно в это время армия была готова к наступлению так, как никогда еще не была готова. Наступление предполагалось начать в апреле, и в связи с наступлением держав Согласия¹, оно, несомненно, привело бы к полному разгрому Германии.

Все это отлично было известно в Таврическом дворце и, казалось бы, что перед такой великой целью, как победоносное окончание войны, все остальное должно было бы умолкнуть. Можно было бы, хотя [бы] до конца войны отложить натиск на правительство и временно поддержать его. Тем более, что все нападки сводились большей частью к мелким придиркам и перемыванию грязного белья императорской фамилии.

Ничего существенного и дельного предложено Думой не было. Требование ответственного министерства, надо полагать, было бы исполнено в самом ближайшем будущем, да и в то время, когда все внимание должно было быть направлено на фронт, вопрос о министерстве, безусловно, не мог и не должен был служить причиной той страшной катастрофы, которая произошла в конце февраля. В таком именно смысле мы неоднократно говорили у нас дома и возмущались той позицией, которую заняла Государственная дума.

Конечно, революция у нас была бы все равно и без Думы, но последняя виновата в том, что революция произошла во время войны, что не только не дало нам возможность победить, но привело к небывалому и позорному разгрому.

Дома у нас, как всегда, было мило и уютно. По вечерам собирались те же, что и при тебе², то есть Гончаренко (генерал)³, Алесин, Колокольцевы и другие. Часто говорили о тебе, читали твои письма, шутили, смеялись, но у всех было какое-то подавленное настроение. У меня, даже еще до приез-

---

¹ Антанты.

² При брате мемуариста.

³ «(генерал)» вписано в машинописном варианте. Гончаренко Михаил Иванович (05.11.1861 – 1917) – генерал-лейтенант, генерал для поручений при Главном управлении военно-учебных заведений. Покончил с собой не позднее 6 октября 1917 г.

да в Петроград, было такое ужасное гнетущее состояние, что я не мог найти себе места, тем более что не знал его причины. Теперь я знаю, что это было предчувствие грозы, самой ужасной, которую пришлось пережить.

14 февраля ожидалось волнения рабочих на почве недостатка хлеба. К этому времени действительно положение Петрограда в отношении снабжения хлебом и другим продовольствием очень обострилось. Хвосты перед хлебными лавками все увеличивались, а подвоза не было. Объяснялось это расстройством транспорта и неумением и нежеланием правительства наладить дело. Как потом выяснилось, продовольственный кризис был вызван искусственно все теми же политическими кругами, которые будировали общество с трибуны Думы. Что это именно было так, доказывается хотя бы тем, что, всего лишь дней через пять – семь после революции в Петрограде появилось достаточное количество хлеба, и продовольственный вопрос был отчасти разрешен. Очевидно, что никакое правительство, какое бы оно ни было гениальное, не могло бы наладить в 7 дней вопрос транспорта и связанный с ним вопрос снабжения столицы хлебом. Это обстоятельство приводит к неизбежному выводу – хлеб задерживался нарочно для того, чтобы голодом вызвать население к восстанию и затем воспользоваться этим восстанием для захвата, в той или иной форме, власти в свои руки. Ясно, что это делала политическая партия, засевшая в Таврическом дворце.

Несмотря на ожидания, 14 февраля ничего серьезного не произошло.

Я не вел дневника, а потому все дальнейшие события буду писать на память и только приблизительно указывать время, когда эти события произошли.

23 февраля начались волнения рабочих, забастовка трамвая, и толпы народа появились на улицах с требованием хлеба.

Государь был в Ставке.

Квартирующие в Петрограде войска состояли преимущественно из запасных гвардейских пехотных полков. Кадровых офицеров в этих полках было мало, офицеры же военного времени, конечно, не могли иметь влияния, да и сами были ненадежны.

Я не буду описывать всех событий этого периода, отмечу лишь некоторые, тебе, вероятно, неизвестные.

27 февраля большинство войск начало переходить на сторону революционеров. В городе шла ружейная и пулеметная стрельба, хотя, в сущности, никто и не сопротивлялся, и стрельба производилась большею частью самими революционерами от страха, неумения обращаться с оружием и из желания проявить свой воинственный пыл. Только некоторые пункты

держались довольно долго и последними сдались офицеры л[ейб]-гв[ардии] Семеновского полка и Павловское военное училище.

Солдат Волынского полка Кирпичников¹, первый убивший из окна чердака, своего н[ачальни]ка учебной команды шт[абс]-к[апитана] Лашкевича², был назван героем революции и впоследствии награжден за это солдатским Георгиевским крестом. Награждение было санкционировано Гучковым³, а крест вручил командующей войсками в Петрограде генерал Л.Г. Корнилов⁴. Первый убийца своего офицера был награжден за это Георгием, и факт этот навсегда оставит черное пятно на светлой памяти генерала Корнилова.

Войска, изменившие государю императору, были в то время настолько небоеспособны, что для подавления восстания достаточно было бы одного хорошего полка, но такого полка не было. Все позорно и трусливо пряталось, держалось нейтралитета или просто сдавалось. Великий князь Кирилл Владимирович⁵ нашел для себя уместным провести свой Гвардей-

---

¹ Кирпичников Тимофей Иванович (1892 – 1918) – унтер-офицер учебной роты запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка. Один из инициаторов восстания Петроградского гарнизона. Считался «первым солдатом революции». Кирпичникову нередко приписывается убийство 27 февраля 1917 г. штабс-капитана И.С. Лашкевича. Например, об этом свидетельствовал бывший командир лейб-гвардии Волынского полка генерал А.В. Геруа со ссылкой на показания солдат (Волынец. Первый выстрел Февральской революции // Военная быль (Париж). 1963. № 63. Октябрь. С. 46). Однако в новейших исследованиях утвердилась версия о том, что Кирпичников Лашкевича не убивал (Гагкуев Р.Г. К истории одного награждения: унтер-офицер Т.И. Кирпичников и генерал Л.Г. Корнилов // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сб. науч. ст. СПб., 2010. С. 39 – 47; его же. Кирпичников Тимофей Иванович // Россия в 1917 году. Энциклопедия. М., 2017. С. 442 – 443; Николаев А.Б. Тимофей Иванович Кирпичников: краткая биография «первого солдата революции» // Петербургские военно-исторические чтения. Межвузовская научная конференция. Санкт-Петербург 16 марта 2012 г. Сб. науч. ст. СПб., 2013. С. 116 – 145; Смирнов А. Час «Мордобоя» // Родина. 2017. № 3. С. 28 – 33). Впоследствии расстрелян белыми.

² Лашкевич Иван Степанович (1891 – 27.02.1917) – штабс-капитан, командир учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка. Убит в период Февральской революции.

³ Гучков Александр Иванович (14.10.1862 – 14.02.1936) – российский политический деятель, лидер партии октябристов, военный и морской министр Временного правительства (март – май 1917 г.).

⁴ Корнилов Лавр Георгиевич (18.08.1870 – 13.04.1918) – генерал от инфантерии (с 27.06.1917). Главнокомандующий войсками Петроградского военного округа (с 02.03.1917).

⁵ В машинописном тексте далее: Примечание: факт хождения в Думу вел[икого] князя Кирилла Владимировича изложен Ю.П. Апрельевым совершенно ошибочно. Вел[икий] князь не присягал Вр[ременному] правительству и «красным бантом» не был украшен, а прошел с[о] своим экипажем в Думу по просьбе экипажа, который не хотел отставать от других частей. Великий князь стремился сохранить часть в порядке, имея ввиду воз-

ский экипаж, украшенный красными бантами, в Государственную думу для принесения присяги новому, создавшемуся тогда, правительству, хотя в то время государь еще не подписал акта об отречении, и не было никаких оснований присягать той кучке политиканов, которые руководили первыми днями восстания и которые скоро так позорно и трусливо сдали свои позиции представителям более левых течений.

Кажется[,] 28 февраля мне пришлось видеть на Литейном громадную толпу солдат преимущественно 3-й гвард[ейской] п[ехотной] дивизии и, главным образом, л[ейб]-гв[ардии] Волынского полка. Вооружены они были, что называется, до зубов – тащили пулеметы, у большинства, кроме подсумков, навешены были набитые пулеметные ленты, пашки сабли, револьверы и т.п. Толпа эта шла к Литейному мосту. Неожиданно со стороны Невского раздался одиночный ружейный выстрел. Трудно представить, что произошло после этого с этой воинственной толпой. Солдаты, бросая винтовки, срывая с себя все остальное вооружение, толкая и давя друг друга, бросились в разные стороны, стремясь попасть в боковые улицы или во дворы домов. Мне стало стыдно за этих революционных воинов, так позорно спасающихся бегством. Газеты же на перебой расхваливали доблесть революционных войск, которые якобы с беззаветной храбростью вступали в бой с царскими войсками и полицией и неизменно оказывались победителями. Утверждаю, что это ложь – сопротивления никакого не было, и вся доблесть заключалась в ловле тех немногочисленных городских, которые остались верными присяге. Все рассказы о размещенных повсюду на чердаках домов пулеметах не заслуживает никакого доверия. Если и были такие пулеметы, то, во всяком случае, они не стреляли.

С 27 февраля начались обыски по квартирам – искали офицеров и оружие. Часто обыски эти сопровождались мелкими кражами, а иногда

вращение государя (Г. Граф). Кирилл Владимирович (30.09.1876 – 12.10.1938) – великий князь, внук императора Александра II, двоюродный брат императора Николая II. Граф Гаральд Карлович (29.10.1885 – 11.10.1966) – капитан II ранга, в эмиграции – личный секретарь великого князя Кирилла Владимировича. Речь идет о событиях 1 марта 1917 г. (Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля – 3 марта 1917 года. СПб., 2017. Т. 1. С. 514). Поведение великого князя в тот день яростно оспаривалось монархистами-легитимистами в эмиграции (Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. С. 30). Активный участник событий Б.А. Энгельгардт впоследствии отметил, что красного банта на великом князе тогда не было (Потонувший мир Б.А. Энгельгардта: «Воспоминания о далеком прошлом» (1887 – 1944). СПб., 2020. С. 317. См. также: Николаев А.Б. Воспоминания Б.А. Энгельгардта о великих князьях // Императорская фамилия в истории России: к 80-летию убийства в Петрограде великих князей Павла Александровича, Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича и Георгия Михайловича / Науч. ред. А.Б. Николаев. СПб., 1999. Вып. 1. С. 48).

грабежами и убийствами. В эти дни выходить на улицы было неприятно, особенно в погонах и при оружии.

У Гончаренко обыски следовали, один за другим, и, в конце концов, генерала арестовали и повезли в Государственную думу, где, продержав некоторое время, освободили. Арест этот произвел страшное впечатление на Михаила Ивановича и, в сущности, с этих именно пор он начал все чаще и чаще задумываться и кончил, как тебе известно, самоубийством. Дом, где жил Гончаренко (дом Мурузи), выходил как на Преображенскую площадь, так и на Литейный проспект, и это его угловое положение, а также соседство с казармами Литовского полка, создали жизнь в этом доме совершенно невыносимую. Обыски сменялись обстрелами и наоборот. Мама предложила всей семье переехать временно к нам. Генерал был в восторге от этого предложения, так как ему было слишком тяжело оставаться в своей квартире. Предварительно Катенька¹, пренебрегая опасностью, под свистом пуль, перебежала к нам, будто бы для того[,] чтобы повидать нас, но в действительности желая присутствовать при предполагаемом у нас обыске, который вскоре последовал, для того, чтобы успокоить маму. Тут лишний раз проявилась ее чудная, неземная душа и ее всегдашняя самоотверженность, доходящая до полного самозабвения. Несмотря на страшно тяжелые дни, которые мы переживали, присутствие постоянное у нас всех Гончаренко и, в частности, Катеньки, оставили у меня самые, может быть, лучшие воспоминания.

Кажется 1 марта я пошел по просьбе генерала узнать, что делается у него в квартире, и, так как дом Мурузи охранялся солдатами Литовского полка, то я неосторожно пошел в казармы этого полка достать пропуск и здесь был арестован выборным к[омандиро]м батальона подпрапорщиком Лавровым, который почему-то решил, что я шпион. Почему и для кого я должен был шпионить, так и осталось для меня тайной. Допрос, сопровождаемый самыми глупыми и нелепыми вопросами, продолжался минут 40. Затем меня обыскали, должен сознаться, вполне вежливо, и, наконец, приступили к составлению препроводительной бумаги, мотивирующей мой арест.

Они долго писали, перечеркивали, снова писали и, наконец, составили весьма безграмотную бумагу, в которой препровождали меня куда-то на Выборгскую сторону, так как я несомненный шпион и контрреволюционер (последнее было совершенно верно). Я знал, что на Выборгскую сторону ведут для расстрела и направление меня туда, конечно, не было приятным, но, кажется, мне удалось ничем не проявить свое волнение. Вывели меня на улицу три конвойных Литовского же полка и старший из них (унтер-

---

¹ Гончаренко Екатерина Михайловна (11.10.1890 – ?) – старшая дочь М.И. Гончаренко.

офицер) задал мне буквально следующий вопрос: «А где, Ваше Высочайшее, эта Выборгская сторона?»

Я воспользовался неведением солдат и показал в сторону Государственной думы, куда они меня и повели. Думаю, что это меня спасло от расстрела или, по крайней мере, от весьма больших неприятностей вроде избиения и т.п. На улицах было много народа, в том числе офицеров и солдат. У большинства на груди красовались революционные банты. Из толпы кричали: «вот фараона ведут», «на виселицу его, кровопийцу» и т.п. Шествовали мы посередине улицы, на виду у всех. Не знаю, удалось ли мне, но я старался сохранять спокойный и равнодушный вид и больше всего опасался, что подумают, что я боюсь или волнуюсь.

Должен сказать, что конвойные обращались со мною очень почти-тельно (тогда еще солдаты не привыкли к революционной разнузданности, и офицерское звание до некоторой степени уважалось) и всячески оберегали меня от нападков толпы. В сущности, кричали разные мерзости и пытались издеваться, главным образом хорошо одетые штатские, вероятно “буржуи”, желавшие из трусости показать свою революционность. Одного такого господина, который подошел к нам и, подмигивая конвойным, показал на свою шею – де меня следует повесить, – старший из литовцев даже хватил прикладом по животу.

С приближением к Таврическому дворцу, становилось все труднее и труднее двигаться вперед, так как со всех концов сюда шли войска, украшенные красными значками, для принесения присяги новому правительству. Все же нам удалось проникнуть за ограду дворца, но здесь пришлось ждать очень долго. Во время этого ожидания, недалеко от меня начал говорить речь Милюков¹. Его держали на руках преображенцы, и он очень невнятно говорил о том, какие были при царе плохие правители, как легко они отдали власть и какие хорошие теперь будут министры «из народа», т.е. он – Милюков и К^о.

И грустно и противно было слышать хвастовство этого старика². Как ты знаешь, он через месяц³ слетел, еще быстрее, чем царские министры, и за этот месяц ничего, кроме вреда России и русскому народу, не принес.

В это же время привели совершенно избитого ген[ерала] Драчевского⁴. Несчастный старик, еле держался на ногах, и его подгоняли пинками

---

¹ Милюков Павел Николаевич (15.01.1859 – 31.03.1943) – лидер конституционно-демократической партии, министр иностранных дел Временного правительства (март – май 1917 г.).

² На самом деле Милюкову тогда было 58 лет.

³ Мемуарист неточен. В действительности министром иностранных дел Временного правительства Милюков пробыл чуть больше двух месяцев.

⁴ Драчевский Даниил Васильевич (29.03.1858 – 1918) – генерал-майор, бывший петербургский градоначальник. Уволен от службы за растрату (1915).

солдаты и матросы. Милюков видел эту гнусную картину, но продолжал свою речь, как ни в чем не бывало. Привели[,] между прочим[,] и совершенно избитого городского. Я никогда не забуду лица этого несчастного и его испуганных глаз. Он думал, вероятно, что его расстреляют, и опасался этого вполне основательно – городских почти всех убивали. Милюков и этой картины не мог не видеть.

Потом я привык видеть всякого рода ужасы, такие, какие нам и не снились. Революция с ее безнравственными теориями превратила всех в хищных зверей без всякой совести, но тогда вид этих арестованных произвел на меня потрясающее впечатление, хоть, казалось бы, три года войны могли бы приучить мои нервы. Но на войне я не видел никогда той бессмысленной жестокости, которую видел здесь и того совершенно звериного, даже, пожалуй, садического, наслаждения, которое испытывала революционная толпа при виде человеческих страданий. Милюков и К^о видели все это и потакали толпе. Вот почему я, помимо своих политических убеждений, так ненавижу первых деятелей революции. Это именно они, первые, вырвали у русского народа совесть, они превратили его в зверя, и они же виновны в тех потоках крови, которая пролилась и будет еще пролита в России.

После долгого ожидания нам удалось попасть внутрь дворца и здесь, в одной из комнат, меня сдали какому-то штатскому господину, который, по уходе конвойных, сказал мне, что я свободен, очевидно, совершенно не зная, что со мной делать. Конечно, я не замедлил уйти, получив предварительно у какого-то прапорщика удостоверение на право жительства в Петрограде. Характерно, что документов у меня никаких не существовало.

Дома страшно беспокоились моим отсутствием, особенно Михаил Иванович, который, очевидно, догадывался, в чем дело, и считал себя, хотя и совершенно неосновательно, виновником моего ареста.

Все эти дни Петроград жил в состоянии чрезвычайно возбужденном и тревожном. Народившийся с первых дней революции Совет рабочих и солдатских депутатов явно претендовал на первую роль, а Временное правительство не смело, да по своей слабости и не могло, прибрать его к рукам. Для уменьшения создавшихся трений прибегли к компромиссу, который должен был сгладить разрыв между представителями буржуазии и пролетариата. А.Ф. Керенский¹, член Совдепа, был включен в состав правительства, в качестве министра юстиции. Это было их первой уступкой

---

¹ Керенский Александр Федорович (22.04.1881 – 11.06.1970) – российский политический деятель, эсер. Товарищ председателя Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Министр юстиции Временного правительства (02.03 – 18.04.1917). Военный и морской министр (05.05 – 01.09.1917). Министр-председатель Временного правительства (07.07 – 26.10.1917).

Совдепу, за которой последовал целый ряд новых уступок, приведших вскоре первое Временное правительство к позорному падению.

Я не буду описывать всех тех событий – они, вероятно, известны тебе и без меня.

Отпуск мой кончился, и я решил ехать в полк, для чего должен был получить разного рода разрешения на выезд из Петрограда.

Между прочим, мне пришлось быть на Царскосельском вокзале, выяснить возможность проезда.

Я, задумавшись, ехал по Забалканскому проспекту, не обращая внимания на все окружающее – вдруг услышал возглас: «Апрелев, куда Вы?» Оглянувшись, увидел, что меня обгоняет генерал Крымов¹. Я очень обрадовался этой встрече, так как мы были под командой Крымова во время отступления 1915 г., и за этот период полк имел несколько славных дел, и все мы Крымова прямо обожали. Я утверждаю, что это был один из самых лучших, доблестных и способных генералов русской армии. С громадной силой воли и прямо гениальным умом, он соединял выдающуюся храбрость, задор молодого кавалериста и необыкновенное умение разбираться в обстановке. Кроме того, он обладал, хотя и не красивой, но внушительной, бросающейся в глаза наружностью. Его боялись, но любили как офицеры, так и солдаты. И мы всегда знали, что приказ Крымова нельзя не исполнить, и что с ним мы не пропадем и будем иметь успех. Так оно и было всегда.

На вокзале я подошел к генералу Крымову и от него узнал, что его вызвал Гучков и предложил ему место помощника военного министра. Видя все то, что творилось кругом, а, главное, узнав, что в издании приказа № 1² значительное участие принимал генерал Поливанов³ и некоторые другие чины Военного министерства, Крымов со всеми переругался и не нашел возможным согласиться на предложение Гучкова. С удивительной прозорливостью он предсказал мне, во что выльется революция в армии и к чему приведут последнюю новые реформы. К сожалению, я не помню точно его слова, но смысл был приблизительно таков: «Комитеты и связанное с ними падение дисциплины через несколько месяцев превратят армию в толпу наглых и трусливых людей, не способных ни к какому сопротивлению, но весьма способных ко всякого рода бесчинствам, не сопряженным с опас-

¹ Крымов Александр Михайлович (23.10.1871 – 31.08.1917) – генерал-лейтенант. Командир 3-го кавалерийского корпуса.

² Речь идет о приказе № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов от 1 марта 1917 г., введившем выборные комитеты для руководства всеми воинскими частями.

³ Поливанов Алексей Андреевич (04.03.1855 – 25.09.1920) – генерал от инфантерии. Председатель Особой комиссии по построению армии на новых началах (1917). Председатель комиссии по улучшению быта военных чинов.

ностью для собственной жизни. Совдепы будут все более и более приобретать влияние, но так как последнее будет основываться только на разного рода демагогических приемах, то влияние это будет лишь внешним и не сможет удержать армию от полного развала. В конце концов, наступит момент, когда всякая, даже едва заметная, дисциплина исчезнет, а брошенный лозунг “мир без аннексий и контрибуций” превратится в умах усталых от войны, распушенных и трусливых солдат в стихийное стремление к миру, во что бы то ни стало. Это последнее стремление выразится сначала во все увеличивающемся дезертирстве и, в конце концов, толпы солдат, частью побросав винтовки и орудия, частью захватив их с собою, бросятся к головным железнодорожным станциям, разгромят их самой своей массой и двинутся как саранча, все сметая на своем пути, вглубь страны, придерживаясь железных дорог и разрушая последние. Все это будет сопровождаться, конечно, избиением офицеров (так как офицеры будут пытаться препятствовать этому движению), грабежами и невероятными насилиями».

Заметь, что ген[ерал] Крымов говорил все это тогда (кажется, 6/III), когда почти все были уверены, что после революции, наша армия окрепнет, и что мы обязательно победим. Теперь мы знаем[,] как прав был Крымов, и как точно исполнилось его предсказание – увы, совершенно точно.

Я остался на вокзале до отхода поезда, с которым уезжал ген. Крымов и, расставшись с ним, у меня было какое-то тяжелое чувство, как будто я знал, что уже больше никогда его не увижу. И действительно я больше его не увидел – ниже расскажу обстоятельства его трагической, хотя и славной гибели.

Весь март и половину апреля я, с разрешения командира полка, оставался в Петрограде и был свидетелем постепенного захвата власти Петроградским Советом. Жалкие министры Временного правительства во главе с безвольным и со всеми соглашающимся кн[язем] Львовым¹, не могли удержать своих позиций и только делали вид, что они управляют, обманывая себя, народ и союзников. Брошенный лозунг «мир без аннексий и контрибуций» делал свою разрушительную работу, а грозное предостережение, в виде поражения на Стоходе² наводило на грустные размышления. Но Временное правительство не вняло этому предостережению и не принимало никаких мер для того, чтобы остановить развал армии. Наоборот, поражение на Стоходе объясняли изменой начальников контрреволюционеров, которых и сместили и на этом успокоились. Петроград в это время превратился в сплошной митинг. Бесконечные процессии сменяли одна

¹ Львов Георгий Евгеньевич (21.10.1861 – 07.03.1925) – князь, министр-председатель Временного правительства (март – июль 1917 г.).

² Речь идет о неудачных для русской армии боях на реке Стоход в апреле 1917 г.

другую, солдаты петроградского гарнизона отказывались идти на фронт, мотивируя свой отказ необходимостью «стоять в тылу на страже завоеваний революции». Несмотря на явную нелепость такого заявления, никто из правителей не пытался заставить этих трусов идти на фронт, для пополнения поредевших и усталых боевых полков. В конце марта начали появляться плакаты с надписями явно большевицкого толка: «Война дворцам – мир хижинам» и т.п. Наконец появились и запломбированные гости из Германии¹ – Ленин², Троцкий³ и К°. Будучи почти все евреями, господа эти с жидовской энергией и наглостью повели свою агитацию и, несмотря на совершенно явную их причастность к германскому Генеральному штабу, они оставались на свободе.

18 апреля праздновалось 1 мая. Одев штатское платье, я пошел с Борисиком побродить по улицам, которые были заполнены процессиями рабочих и солдат. Все это шло к Марсову полю, где над могилами т[ак] называемых жертв революции устраивались импровизированные митинги. Большинство ораторов имели облик явно семитический. Еврейский акцент и плохие обороты русского языка, свидетельствовали как о их национальности, так и о том, что это все были люди, чуждые России и прошедшие большую часть своей жизни вне ее пределов.

Побывал я и у знаменитого дворца Кшесинской⁴, но ни Ленина, ни Троцкого не видел.

Все события этого периода указывали на прогрессивное разложение Петрограда, и я, как бы предвидя будущее, уговорил маму и Гончаренко переехать в Харьковскую губернию, в имение княгини Екатерины Николаевны Голицыной. С большим трудом мы достали билеты и в два эшелона выехали, кажется, 22 апреля из Петрограда.

Из Харькова я поехал в полк и принял опять свой 3-й эскадрон в том же составе офицеров и почти в том же составе солдат. Но это были уже не те солдаты – прежние доверчивые и даже дружественные отношения ко мне сменились навеянными извне недоброжелательствами, хотя внешне эскадрон, как и весь полк, еще не разложился – дисциплина частично держалась. Солдаты отдавали честь, исполняли приказания почти без отказа,

---

¹ Мемуарист иронизирует в связи с проездом российских революционеров из эмиграции через территорию Германии в Россию весной 1917 г. в «пломбированном» вагоне без права покидать его.

² Ленин (Ульянов) Владимир Ильич (10.04.1870 – 21.01.1924) – российский революционер, лидер партии большевиков.

³ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (26.10.1879 – 21.08.1940) – российский революционер. Троцкий прибыл в Россию не из Германии, а из США.

⁴ Кшесинская Матильда Феликсовна (19.08.1872 – 06.12.1971) – балерина. После Февральской революции особняк Кшесинской на Кронверкском проспекте Петрограда заняли в связи с отъездом владелицы органы Петербургского комитета РСДРП (б).

но все же почти. Колеса старой машины еще продолжали двигаться, но так же, как и во всей России, только по инерции, и с каждым днем движение это замедлялось и, когда оно совсем прекратилось, наступил крах России, развал армии и позор Брестского мира.

Вышедшие тогда правила о «комитетах» обязывали офицеров полка иметь в них своих представителей, и я, к моему огорчению, был избран господами офицерами на эту неприятную должность вместе с шт[абс]-ротмистром Полянским¹ и пор[учиком] Борисом Баумгартеном².

Я не буду описывать тебе этой деятельности – она заключалась в ограждении офицеров от большей части бессмысленных и необоснованных требований солдат. Должен, к чести полка, сказать, что у нас не было ни одного крупного или грубого инцидента против офицеров. Все сводилось к стремлению лишить офицеров денщиков, вестовых и т.п. В общем же мы жили мирно, только солдаты все больше и больше распускались. Полк стоял все это лето в Знаменке Херсонской губ[ернии] на охране железнодорожного узла. Ежедневно на станции дежурило два эскадрона, которые должны были задерживать дезертиров и сохранять порядок. Иногда бывали столкновения почти в рукопашную с проходящими буйствующими эшелонами. В остальное время и офицеры, и особенно солдаты, бывали совершенно свободны. Занятия происходили редко. Местное еврейское население, видя в нас своих охранителей, всячески старались задобрить наших солдат. Устраивали балы для них, приглашали к себе в дома и т.п. Благодаря этому, наши кирасиры старались одеваться получше, держать себя прилично, подражая офицерам[,] и этим сохраняли все лето воинский вид. Для неопытного взгляда, полк, даже еще в августе, казался ничуть не отличающимся от полка старого режима, но мы, офицеры, знали, что душа полка отлетела, что медленно, но верно идет внутреннее разложение и что конец близок.

Между тем, положение на фронтах все ухудшалось. Все чаще и чаще стали повторяться случаи отказа целых полков, даже дивизий исполнять боевые приказания. Войсковые части непрерывно митинговали, и резолюции этих митингов печатались во всех газетах. Помню, что одна из таких резолюций рассмешила нас всех, но в то же время вызвала грустное чувство обиды и досады за серость наших солдат и негодование на тех негодяев, которые им всегда подсовывали готовые резолюции. Это было постановление какой-то пехотной дивизии по поводу того, что она не желает

---

¹ Полянский Георгий Алексеевич (01.12.1889 – 29.12.1961) – штабс-ротмистр лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка. Участник Белого движения на Юге России. Подполковник. Умер в эмиграции.

² Фон Баумгартен 2-й Борис Александрович – поручик лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции.

идти на фронт до тех пор, пока «империалистическая буржуазия не откажется от своих захватных стремлений, не опубликует тайных договоров, пока солдатам не заменят ботинок сапогами и пока гидра контрреволюции не будет уничтожена». В конце резолюции говорилось, что пехотная дивизия в то же время требует удаления президента Северо-Американских Штатов и образования в Америке республики без президента. Это не из «Сатирикона», а действительно постановление, не помню теперь какой дивизии. Подобный же сумбур, впрочем, существовал в то время во всей России.

Однако Вр[еменное] правительство пыталось, по настоянию Ставки, удерживать развал армии и сохранить крепость фронта. С этой целью была предложена идея образования ударных частей, которая состояла не только в том, что отдельные добровольцы образовывали особые ударные батальоны, но и в том, что целым частям, до корпусов включительно, предлагалось записываться, по постановлению войсковых комитетов, в ударные части и в случае записи все чины части должны были носить на левом рукаве треугольник из красного и черного цветов. В сущности, это было просто предложение выбора, воевать или нет, причем свобода выбора была предоставлена каждому солдату. Конечно, эта мера как бы санкционировала законность отказов исполнять боевые приказания и еще больше развратила армию. Но другого средства, по-видимому, не было, и при помощи ударных частей предполагалось повести наступление. Как известно, наступление это и было предпринято; оно в начале имело некоторый успех (армия ген[ерала] Корнилова), но скоро кончилось ужаснейшим поражением, бегством с поля сражения нескольких десятков тысяч революционных солдат (в том числе и ударников) и страшным разгромом города Калуща, произведенным войсками.

Мы, во время этих событий, продолжали стоять в Знаменке, и когда пришло распоряжение об ударных частях, этот вопрос был поднят в полковом комитете. Последний состоял большею частью из солдат писарского и фельдшерского типа, которые за все время войны старались устроиться в тылу и действительно большую ее часть провели в обозе. Предварительное собрание офицеров полка, стоя на точке зрения необходимости продолжать войну с немцами, предложило всем членам полкового комитета, настоять на том, чтобы комитет этот вынес постановление о том, что наш полк записывается в ударную часть и просит отправить его сейчас же на фронт. Нас поддержали только немногие из членов комитета, и именно те, кто был на войне все время в строю. Большинство же было против зачисления в ударную часть, мотивируя свой отказ опасением контрреволюции, в действительности же их решение диктовалось исключительно трусостью.

Когда решение полкового комитета было постановлено, я пошел к командиру полка и доложил ему, что мы (т.е. офицеры-члены полк[ового] ком[итета]) можем изменить это решение при помощи солдат нашего эскадрона, если к[оманди]р полка даст на это свое согласие. С разрешения к[оманди]ра полка я собрал после этого свой 3-й эскадрон и сказал солдатам, что ввиду отказа полкового комитета записаться в ударную часть и нежелания его идти на фронт, я и все офицеры эскадрона уезжаем завтра на фронт, где поступим в ударный батальон (мы действительно так решили поступить); кто же из солдат хочет ехать с нами, пусть переходит на левую сторону. Весь эскадрон, кроме одного кузнеца Булгакова, перешел на левую сторону и заявил, что они все поедут со мной и другие эскадроны заставят сделать то же.

Тогда мы, во главе нашего эскадрона, пошли по полку, собирали по очереди каждый эскадрон и предлагали записываться в ударную часть. В результате весь полк записался. Председатель полкового комитета ун[тер-]оф[ицер] Людвиг обвинил нас в желании подорвать авторитет полкового комитета и в контрреволюции. Для суждения одного вопроса было собрано чрезвычайное заседание полкового комитета с участием всех эскадронных и командных комитетов. Это собрание вынесло резолюцию, что мы действительно подрываем полковой комитет, и что мы не имеем права этого делать. Тогда Полянский, Баумгартен и я вышли из комитета, сказав, что среди трусов нам делать нечего. Как это ни странно, но все члены эскадронных комитетов и большая часть полкового, вышла за нами и сказали, что они присоединяются к нам. Тогда Людвиг и оставшиеся члены полк[ового] комитета пошли просить у нас прощения и умоляли вернуться, с тем, что они изменят свою резолюцию. И действительно, после нашего возвращения, полковой комитет вынес постановление о зачислении полка в ударную часть. Это была наша последняя крупная победа, которая показала, что тогда офицеры еще имели влияние на солдат. После это влияние уменьшилось и, вероятно, уже в августе проделать подобную вещь не удалось бы вовсе.

К сожалению, несмотря на все хлопоты, нас так и не отправили на фронт.

После описанного события мне по делам полка пришлось быть в Киеве, и здесь я встретился с моим товарищем ротмистром л[ейб-]гв[ардии] Кирасирского его величества полка Алексеем Генриховичем Шапрон дю Ларре¹, который мне сказал, что видел генерала Крымова, который просил

---

¹ Шапрон дю Ларре Алексей Генрихович (23.06.1883 – 10.06.1947) – ротмистр (впоследствии – генерал-майор), командир эскадрона лейб-гвардии Кирасирского его величества полка. Впоследствии – участник Белого движения на Юге России, личный адъютант генералов М.В. Алексеева и А.И. Деникина, зять генерала Л.Г. Корнилова.

его предупредить по возможности всех офицеров, знающих генерала Крымова, что они ему скоро понадобятся. Это был первый намек на корниловской заговор, который неудачно разыгрался в конце августа 1917 года. Вскоре после моего возвращения из Киева Шапрон вызвал меня в находящееся близ Знаменки имение его сестры Лишиной¹ и здесь мне сообщил, что в Ставке составлен заговор с целью заставить правительство принять решительные меры для прекращения развала армии и изменить свою безвольную внутреннюю политику. Точно, в чем состоял заговор и какие действительно цели он преследовал, Шапрон[,] по-видимому[,] не знал сам. Он был уполномочен генералом Крымовым вербовать офицеров и солдат для участия в заговоре. Намеченные лица должны были оставаться в своих полках, но по первому требованию ехать к месту сосредоточения, которое еще не называлось, но, по-видимому, это был Петроград.

Ввиду того, что очевидно невозможно было бы офицерам полка уехать, в случае вызова, всем сразу, было решено, что от нашего полка поедут сразу всего пять офицеров, а если заговор выльется в какие-нибудь определенные действия, то по моему извещению все офицеры во главе с к[оманди]ром полка и некоторыми солдатами, поедут в Петроград. Ради соблюдения полной тайны намеченных солдат было решено привлечь только в самую последнюю минуту.

Между тем жизнь в Знаменке продолжала течь довольно спокойно. Правда, ловля дезертиров была не особенно удачной, так как последние взяли привычку обходить железнодорожные узлы, занятые охраняющими их войсками. Часто приходили буйные эшелоны, направляющиеся на фронт. Эшелоны эти, хотя и состояли большею частью из ударников, но в действительности, конечно, были просто бандами, которые разными увещаниями и угрозами умоляли ехать на фронт. Но эти эшелоны приходили на фронт, большею частью почти пустыми, несмотря на воинственно-революционные плакаты, которыми были увешаны их вагоны. Было несколько случаев попыток этих эшелонов разгромить ст[анцию] Знаменка, но путем вывода наших кирасир в полной боевой амуниции и с пулеметами, каждый раз удавалось предотвратить скандал. К счастью, оружие пускать в дело не приходилось, и, если бы пришлось, то вероятно это кончилось бы тем, что и погромщики из эшелонов, и наши кирасиры соединились бы в одном общем порыве – громить станцию и еврейские лавки. На тех станциях (не узловых), где не было кавал[ерийских] частей, обыкновенно прохождение каждого эшелона сопровождалось погромами и насилиями, а часто и убийствами. Другая волна товарищей текла в обратном направлении. Эта волна была значительно опаснее и по размерам больше

---

¹ Лишина (Шапрон дю Ларре) Вера Генриховна (1888 – ?) – сестра А.Г. Шапрона дю Ларре, вдова Н. Лишина.

первой. Она состояла из солдат, едущих в отпуск и из дезертиров. Все поезда, идущие с фронта в тыл, как днем, так и ночью, были буквально облеплены солдатами. Так как мест в вагонах, конечно, не хватало, то ехали на буферах и на крышах. Часть этих пассажиров отправлялась домой с винтовками. По дороге эти господа всюду чинили всевозможные безобразия и бесчинства. Несколько станций, как, например, ст[анция] Бобринская, были ими разгромлены. Особенно страдали от них ж[елезно]д[орожные] служащие, которых систематически избивали. Каждое замедление поезда, отсутствие паровоза и т.п. вызывало неизменно избиение служащих или общий погром станции. Был случай, не помню, на какой станции, что машиниста за опоздание поезда в месте пересадки бросили живым в паровозную топку. Волна этих своеобразных пассажиров все увеличивалась и грозила затопить всю прифронттовую полосу. Предсказания Крымова, увы, начинали сбываться.

Дезертирство разрасталось с необыкновенной быстротой. Меры, принимаемые Ставкой и правительством, не имели никаких положительных результатов. Вскоре затем дезертиры получили совершенно законное существование – Керенский, Церетели¹ и кто-то третий, прибыли в Киев и здесь от имени правительства санкционировали самостоятельность Украины² и одновременно разрешение последней иметь свою особую украинскую армию. В эту новую армию, которая формировалась в тылу, потекли все дезертиры, как солдаты, так и офицеры, которые устали слоняться в прифронттовой полосе и надеялись, что формирование украинской армии затянется, и они на фронт не попадут. Можно с уверенностью сказать, что украинские части на 75 %, по крайней мере, состояли из дезертиров.

В конце июля мы получили из штаба фронта предложение записаться в «Офицерский союз», который был основан по почину Ставки и официальный устав которого был скрепя сердце утвержден Вр[еменным] правительством. Официально и гласно это было просто профессиональный союз офицеров, но, думаю, что он имел свою подводную часть, при помощи которой надеялись совершить дело, задуманное Корниловым – восстановление дисциплины и принуждение правительства изменить свою маниловскую политику. Я был отправлен в Киев, где и записал всех офицеров полка в Союз и внес членские взносы. В Киеве опять встретился с Шапроном

---

¹ Церетели Ираклий Георгиевич (20.11.1881 – 21.05.1959) – меньшевик, член Исполкома Петроградского Совета, министр внутренних дел, министр почт и телеграфов Временного правительства.

² Речь идет о приезде в Киев министра почт и телеграфов И.Г. Церетели, министра иностранных дел М.И. Терещенко и министра путей сообщения Н.В. Некрасова в июле 1917 г. К ним примкнул и А.Ф. Керенский. Мемуарист неточен. Делегация лишь признала возможность автономии Украины по решению Учредительного собрания.

и получил от него подтверждение того, что скоро последует вызов офицеров в Петроград.

В Киеве же мне пришлось видеть парад, устраиваемый украинским войскам «батькой Грушевским»¹. Парад происходил на Владимирском проспекте, против Педагогического музея, где заседала «Украинская рада»². Во главе шел полк Богдана Хмельницкого под командой небезызвестного негодяя [под]полковника Капкана³. Вся эта гнусная картина дефилирования дезертиров перед австрийским шпионом Грушевским, даже на солдат, бывших со мной, произвела жалкое впечатление.

Назначение генерала Корнилова верховным главнокомандующим и появление его приказов о восстановлении дисциплины и введении на фронте смертной казни для дезертиров и предателей, давало слабую надежду на улучшение нашего фронта, но надежда эта скоро пропала, так как одновременно с названными приказами усилилась агитация в армии социалистов всякого толка. Тучи агитаторов, снабженные удостоверениями Петроградского С[овета] р[абочих] и с[олдатских] д[еутатов]⁴, приезжали на фронт и доканчивали разложение армии. В речах этих агитаторов замечалась удивительно миролюбивое отношение к немцам, часто даже их восхваление и постоянные выпады против союзников. Бороться с агитаторами не было никакой возможности, а разобрать, кто из них был большевик, а кто просто социалист, не могли не только солдаты, но и мы сами. Теперь социалистические, меньшевистские партии, отделяют себя от большевиков и всю вину разгрома России и настоящих событий сваливают на последних. Но это совершенно не так, и летом 1917 года все без исключения социалистические партии действовали одинаково. Братание на фронте, травля офицеров, лозунг мира без аннексий и контрибуций, обвинение и травля «империалистической буржуазии» и т.п. Все это проповедовали не только большевики, но и с.р. и с.д., и все они также обрызганы той кровью, которая 3 года льется в России.

В августе положение фронта было поистине ужасно, а между тем немцы готовили новое наступление. Взятие Риги с захватом противником

---

¹ Грушевский Михаил Сергеевич (17.09.1866 – 24.11.1934) – украинский и советский историк, политический деятель, председатель Центральной Рады Украинской народной республики.

² Украинская Центральная Рада – представительный орган украинских общественных организаций. В дальнейшем – высший законодательный орган Украины. Центральная Рада образовала исполнительный орган власти – Генеральный секретариат во главе с В.К. Винниченко.

³ Капкан (Капкан-Капканов) Юрий Евгеньевич (Евдокимович) (06.04.1883 – после 1919) – подполковник. Член Украинского генерального войскового комитета. Командир 1-го Украинского казачьего полка имени Б. Хмельницкого.

⁴ Здесь и далее – Совета рабочих и солдатских депутатов.

небывалых трофеев никого не отрезвило. Наоборот, эту неудачу приписали «царским генералам» и даже обвиняли Ставку в продаже Риги за деньги. Все эти гнусные, провокационные выходки происходили в Петроградском С[овете] р[абочих] и с[олдатских] д[еутатов].

Ждать больше было нельзя, и Корнилов выступил со своим знаменитым обращением к русскому народу. В чем именно состоял заговор Корнилова и как он был разработан в деталях, я не знаю и могу рассказать лишь то, чему был сам свидетелем.

Числа 15 августа я получил извещение о вызове офицеров в Петроград. Кажется, 16-го мы выехали по разным направлениям, чтобы не возбуждать подозрения солдат, и с той же целью отъезд наш был замаскирован служебными командировками. 24-го я прибыл в Петроград и сейчас же пошел к Шапрону, который жил на площади Спасо-Преображения. Здесь я получил под расписку аванс в 50 000 рублей для выдачи, если окажется нужным, офицерам, прибывающим в Петроград, пособия на жительство. Размер пособий определялся в 200 – 300 рублей на человека, и они должны были выдаваться только действительно нуждающимся. В этот же день я узнал некоторые подробности предполагаемого «действия». В Петрограде действовал особый штаб, связанный с Корниловым. В состав этого штаба, между прочим, входили Генерального штаба полковники Д.А. Лебедев¹ и Сидорин². Путем конспиративной пропаганды штаб этот считал за собой училища Павловское, Константиновское и Михайловское. Сверх того он имел большое количество [сторонников] среди офицеров и даже солдат в броневтомобильном дивизионе и некоторых других войсковых частях. Кроме того, на учете значились прибывающие по вызову в Петроград офицеры и солдаты, гардемарины Морского кадетского корпуса и значительное число добровольцев из студентов, гимназистов и других штатских лиц. По расчетам все эти группы должны были составить довольно значительную силу, которая предназначалась для внутреннего выступления.

Выступление это должно было совпасть с подходом к городу конного корпуса генерала Крымова. Срок выступления, назначался в ночь с 27 на 28 августа. Корпус генерала Крымова подходил в это время к Луге, но связи с ним, по-видимому, не было. Должен сказать, что детали выступления были разработаны хорошо и толково. Разведка велась тщательно, и у нее

---

¹ Лебедев Дмитрий Антонович (06.01.1883 – 06.03.1928) – полковник (впоследствии – генерал-майор). Штаб-офицер для делопроизводства и поручений при управлении делами генерала при верховном главнокомандующем. Один из организаторов Союза офицеров армии и флота (1917). Участвовал в выступлении генерала Л.Г. Корнилова (08.1917), арестован и находился в Быховской тюрьме (до 13.11.1917).

² Сидорин Владимир Ильич (31.01.1882 – 20.05.1943) – полковник (впоследствии – генерал-лейтенант). Начальник штаба 3-го Кавказского армейского корпуса. Заместитель председателя Союза офицеров армии и флота.

имелись подробные планы Зимнего дворца и других военных зданий в тактическом или политическом отношении (Михайловский манеж, Смольный институт, вокзалы, электрические станции, и водоподъемные здания). Для атаки всех этих пунктов назначались особые отряды.

26-го я был на заседании у Н. Парфенова¹ на Николаевской № 7 и здесь видел полковника л[ейб-]гв[ардии] Преображенского полка П.А. Веденяпина², капитана Кованько³, С.С. Вышинина⁴ и некоторых других лиц, фамилии которых я так и не узнал.

Принадлежность большинства этих лиц к монархической партии показывала мне, что и эта партия также поддерживала генерала Корнилова, что было для меня большим удовлетворением.

Здесь на заседании я узнал, что назначен начальником левой колонны отряда, атакующего Зимний дворец. Для атаки этого дворца назначался крупный отряд, который должен был разъединиться на три колонны. Средняя колонна, самая сильная, под командой полковника Веденяпина, должна была атаковать дворец с фронта, т.е. со стороны арки Главного штаба⁵.

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (BAR). Ju.P. Aprelev manuscripts. Машинопись. Исправлено по рукописному подлиннику.

Приложение 2.

Собственноручная копия письма Юры⁶ на мое имя⁷, написанного в декабре 1917 [г.] в Новочеркасске.

24 ноября 1917 года выехал из полка на Дон через Киев, Ромоданы, Харьков, Миллерово, Новочеркасск. В Харькове задержался два дня у мамы. Как раз в эти дни к Белгороду подошли, по-видимому, с севера, эше-

¹ Мемуарист неточен. Имеется в виду Парфенов Василий Дмитриевич (около 1892 – 1920) – штабс-капитан лейб-гвардии Измайловского полка. Член подпольной монархической организации (с 10.1917). Участник Белого движения на Юге России. Полковник.

² Веденяпин Петр Александрович (25.02.1884 – 21.01.1955) – полковник лейб-гвардии Преображенского полка. Командующий л.-гв. Измайловским полком. Член офицерской организации в Петрограде из офицеров л.-гв. Измайловского полка, Кавказской туземной конной дивизии и технических войск (08.1917). Организация была связана с Советом Союза казачьих войск. Член Алексеевской организации. Участник Белого движения на Юге России. В эмиграции.

³ Кованько Алексей Алексеевич (02.07.1892 – 21.07.1931) – капитан л.-гв. Измайловского полка. Член офицерской организации в Петрограде (08.1917).

⁴ Личность не установлена.

⁵ В машинописном варианте далее: На этом воспоминания Ю.П. Апрелева заканчиваются.

⁶ Т.е. Г.П. Апрелева.

⁷ Т.е. на имя Б.П. Апрелева.

лоны ударников с фронта, кажется под предводительством небезызвестного [под]полковника Ген[ерального] штаба Манакина¹. Были ли у Белгорода какие-нибудь бои этих ударников с большевистскими бандами² – я не знаю, так и потом не узнал, но на вокзале видел поезд с ранеными большевиками и, между прочим, всю в крови, испуганную и отчаянно рыдавшую молодую девушку в форме сестры милосердия. Что с ней произошло, я не знаю, и сама по себе ужасная эта картина не произвела на меня особенного впечатления, т.к. нервы наши притупились за время «великой и бескровной революции» господ Львова и Керенского, когда подобные ужасные, с прежней точки зрения, картины встречались на каждом шагу; пресса их замалчивала, а правительство, в случаях особенно вопиющих или [при] массовых убийствах, называло их неизбежными «эксцессами» революции и не только не принимало каких-либо мер к предупреждению таких эксцессов, но напротив отдельные члены Временного правительства и его соучастники, иногда умышленно эти эксцессы создавали, разжигая низкие страсти толпы.

Таковы, например, все возвания «селянского» министра Виктора Чернова³, деятельность Керенского в армии, речь председателя с.р. и с.д. Чхеидзе⁴ и целый ряд других действий, речей, возваний и т.п., которыми наводнилась тогда наша родина, под благосклонным одобрением Вр[еменного] правительства в целом. Я поэтому так долго остановился на этом случае, что это была последняя виденная мною картина из времени

---

¹ Манакин Виктор Константинович (17.06.1887 – 29.02.1964) – подполковник (впоследствии – полковник). Один из организаторов формирования добровольческих ударных частей. Командир 1-го Ударного революционного полка (1917). С полком на фронте 6-го Сибирского армейского корпуса, ранен. Вызван с полком на охрану Ставки (11.1917). Участник Гражданской войны. Участвовал в боях ударников с черноморскими и балтийскими матросами под Белгородом (20.11 – 05.12.1917). См. о Манакине подробно: Посадский А.В. От Царицына до Сызрани: очерки Гражданской войны на Волге. М., 2010. С. 147 – 152; его же. Генерального штаба полковник Виктор Константинович Манакин: штрихи к биографии // Труды III международных исторических чтений, посвященных памяти профессора, Генерального штаба генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина (1875 – 1944). Санкт-Петербург, 18 – 20 октября 2012 года. СПб., 2013. С. 236 – 253; его же. Полковник В.К. Манакин и Саратовский корпус. Эпизод Гражданской войны. М., 2018.

² Речь идет о боевых действиях начального периода Гражданской войны между ударниками под командованием подполковника В.К. Манакина и матросами под Белгородом, происходивших в период с 20 ноября по 5 декабря 1917 г. в Курской губернии.

³ Чернов Виктор Михайлович (25.11.1873 – 15.04.1952) – один из лидеров партии социалистов-революционеров, министр земледелия Временного правительства.

⁴ Чхеидзе Николай Семенович (09.03.1864 – 07.06.1926) – политический деятель, меньшевик, председатель Исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (1917).

«бескровной» революции; потом начались картины революции уже большевистской, картины, в которых в качестве жертв появились уже не только офицеры и помещики, но и те самые господа, которые еще недавно так нагло утверждали, что именно они призваны самим народом и являются его любимыми избранниками. Вряд ли сейчас найдется много людей, которые добром помянут 1-ю революцию и ее деятелей, но если такие найдутся, то пусть же спросят они хотя бы эту бедную девушку, лицо которой я помню и сейчас, является ли она жертвой одного из эксцессов революции или несчастной жертвой самой этой революции, которая вместе с тысячами жизней поглотила и все моральные устои и выпустила на всех зверя, именуемого человеческой толпой или как тогда принято было выражаться «трудящейся массой».

В общем, Харьков тогда числился во власти большевиков, но только номинально. В действительности держалась еще власть Вр[еменного] правительства, что равносильно было отсутствию всякой власти. Поэтому каждый жил как хотел в буквальном смысле этого слова, т.е. чиновники что-то писали, купцы торговали, солдаты пьянствовали и развратничали, а бандиты совершали бесчисленные налеты и грабежи.

Я очень боялся оставлять маму и Мауса¹ одних в Харькове, но везти их тогда по железной дороге было невозможно. Никто не знал, когда и куда пойдут поезда. Кругом шли какие-то бои кто-то с кем-то, и в этой обстановке нечего было и думать брать их с собою, тем более, что я совершенно не знал, что делается на Дону, на что я еду и т.д.

Выехал я вечером, кажется[,] 29 декабря; меня провожали мама, Маус и Гончаренко. Впечатление было такое, что будто бы, как прежде, я еду из отпуска на фронт, только донельзя запачканный вокзал и вагоны, со смеющимися растерзанными солдатами, разрушали иллюзию.

До границы Дона доехал я совершенно благополучно. Как потом оказалось, мой поезд был последним, который отошел без обысков, арестов и т.п. А так как ехал я в погонах с настоящими моими документами, то, конечно, надо сказать, что мне невероятно повезло, и фактически я так и не был ни разу при настоящих большевиках.

После донельзя тяжелого пути от Киева до Миллерова, пути по которому прошла грязная рука революции, первая донская станция показалась мне прямо раем: чистенький вокзал, довольно прилично одетый часовой у какого-то склада, буфет не разбитый и не разграбленный, словом, все напоминало старую дореволюционную Россию. Пересев в Миллерове в другой поезд, я бодро ехал дальше, уверенный теперь, что не все пропало и что здесь, может быть, начнется возрождение, в какой форме, я тогда еще себе не представлял или, вернее, представлял очень туманно.

---

¹ Личность не установлена.

Новочеркасск походил на военный лагерь. Всюду видны были погоны офицеров, юнкеров, кадет и казаков. Многие были вооружены, и все это производило бодрящее и радостное впечатление. Правда несколько излишняя утрировка вооружением, слишком заломленные фуражки и папахи и другие дефекты бросались в глаза всякому военному и показывали, что и здесь идет импровизация, что нашей старой дисциплинированной армии больше нет, но все же общее впечатление после грязи и разнузданности Малороссии, было прекрасное.

Остановился я в гостинице [«]Нью-Йорк[»], очень плохонькой и переполненной донельзя. Город был так забит приезжими, что найти себе место для ночлега было чрезвычайно трудно. Большевицкое кольцо в эти дни еще не сомкнулось вокруг нас, и в Новочеркасск непрерывно прибывали офицеры, юнкера, добровольцы и просто беженцы с севера России. Все это здесь же и оставалось, т.к. в Ростов ехать не решались – он только что был занят добровольцами, и там было беспокойно.

На другой же день я явился генералу Алексееву¹, который жил тогда в Европейской гостинице и доложил ему, что прибыл от командира л[ейб-]гв[ардии] Кирасирского ея величества полка полковника Данилова², который спрашивает, может ли он, распустив полк, со всеми офицерами и частью солдат, приехать на Дон. А так как при этом встречаются некоторые технические затруднения, как, например, вопрос, куда сдать казенные суммы полка и казенное имущество, то п[олковник] Данилов желал бы получить на то указания.

Ген[ерал] Алексеев сказал мне, что, конечно, надо всем сейчас же ехать на Дон, что же касается казенного имущества, то надо взять с собою все, что будет возможно, так же, как и казенные суммы. Я немедленно послал об этом п[олковнику] Данилову условную телеграмму, которая, как потом оказалось, до него не дошла. Письмо же мое, тоже отправленное в этот же день, хотя и дошло, но с опозданием, тогда, когда красное кольцо окончательно сомкнулось вокруг Дона. Впоследствии наш полк прибыл одним из первых в ряды Добр[овольческой] армии и действиями своими покрыл себя славой, но если бы тогда, в 1917 г., он был бы уже там, то, вероятно, сыграл бы огромную и честную роль.

Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры Колумбийского университета в Нью-Йорке (BAR). Iu.P.

---

¹ Алексеев Михаил Васильевич (03.11.1857 – 25.09 (08.10).1918) – генерал от инфантерии. Основатель Добровольческой армии и Белого движения на Юге России.

² Данилов Михаил Федорович (11.04.1879 – 11.09.1943) – полковник, командир лейб-гвардии Кирасирского ея величества полка (в 1917 г. – лейб-гвардии 2-го Кирасирского полка и гвардейского Кирасирского полка).

Аprelev manuscripts. Машинопись. Исправлено по рукописному подлиннику.